

Общие и специальные

В этом названии обозначена всеобъемлющая оппозиция. Под этим заголовком можно перечислить различные пары концепций, такие как коллективизм — индивидуализм, дедукция — индукция, естественное право — позитивистское право... В данной презентации мы займемся вопросами социального порядка, темой, которая в настоящее время подогревает умы в некоторых подробных вопросах. Однако мы не будем рассматривать здесь столь подробные вопросы и ограничимся лишь принципиальными вопросами.

Этапы последовательного мышления

Для того чтобы иметь возможность мысленно двигаться таким образом, необходимы так называемые аксиомы. Аксиомы — это фундаментальные утверждения, которые не нуждаются в доказательстве и не могут быть доказаны. Я называю их "первичными правдоподобными утверждениями". Они обращены к "естественному разуму", существование которого, в свою очередь, предполагается как аксиома и воспринимается тем, что утверждения, являющиеся аксиомами, правдоподобны для него без дополнительных средств убеждения. Из этого следует: Аксиомы признаются естественным разумом, а естественный разум признается аксиомами. Это все, что вам нужно знать, чтобы понять, почему (уроженец Австрии) философ науки Карл Поппер (1902-1994) признался в конце своей жизни: "Мы ничего не знаем, и даже не то, что мы знаем правильно". Это возвращает нас к Сократу. Следственное мышление не защищает от невежества, а выставляет его на свет. По крайней мере, Поппер признал это понимание с юмором. Думаю, это нужно для того, чтобы сохранить психологическую устойчивость в этом мире.

Примечательно, что современное (философское) понимание термина "наука" основано на теории науки Карла Поппера. Кроме инсайдеров и нескольких заинтересованных людей на периферии, вряд ли кто-то еще знает об этом. Неудивительно, что СМИ и политики не любят обращать наше внимание на такое понимание это-го термина. Следовательно, они будут бороться с собственным желанным, но притворным авторитетом. Но именно его они получили бы, если бы честно представили этот факт. Но они боятся этого, как заблудшая душа боится Страшного суда.

Непреходящие темы

Напряжение между общим и частным никогда не снималось. Вот почему, например, тема "социальная политика" оказалась извечным фаворитом. Здесь зонтичное название (общее и особенное) проявляется в двух явлениях "коллективное" и "индивидуальное". Коллектив — это общество, которое формируется благодаря чему-то общему. Противоположностью коллективу является позиционированный индивид, к которому он предъявляет определенные требования.

Можно подумать, что общество (коллектив) представляет общее, а индивид — частное; но дело обстоит не так просто. Это можно проиллюстрировать на примере законодательства. Существуют различные способы формирования законов: Законы в соответствии с экономическими или социальными требованиями, законы в соответствии с желаниями большинства населения, законы в соответствии с нормами природы, законы в соответствии с интересами меньшинств, законы в соответствии с религиозными правилами ... Когда законы выводятся из неизменных религиозных установлений, мы говорим о дедуктивном или производном законотворчестве. Здесь принципы — это общее, а законы, выведенные из них, — частное, которое, в свою очередь, должно применяться к частному.

Если же законодательство основано на потребностях или желаниях отдельных людей, будь то потребители или лоббисты — как бы много или

мало их ни было — то законодательство является индуктивным. При этом происходит переход от частного (индивидуального) к общему (коллективному). То, что в таком случае считается законным для коллектива, проистекает не из общепринятого принципа, а из интересов или желаний отдельных людей. Понимание этой разницы очень важно.

По причинам, указанным выше, индуктивное или "позитивистское" законодательство всегда связано с неизвестной степенью неопределенности. В конце концов, никогда не знаешь, чего ожидать и не перейдет ли эта неопределенность в какой-то момент в произвол. Конституции государства или страны могут иметь целью сдерживание этой неопределенности, но если они сами созданы позитивистски, они могут иметь только релятивистский эффект. Поэтому искажения в обществе и его порядках неизбежны; это несомненно, так что на данном этапе можно говорить о „негатив-ной безопасности". Она заключается в неизбежности неопределенности, включая опасность впасть в произвол.

Небезопасные общества

Общества неопределенны, по крайней мере, в той степени, в какой неопределенны их принципы, уставы, законы и правила. Когда принципы меняются, они доказывают свою непостоянность. Однако если происходят только отклонения от них, а сами они остаются, то, по крайней мере, возможно возвращение на твердую почву. Непостоянство человека, которое считается неоспоримым, составляет антропологическую основу незащищенности и становится тем опаснее, чем больше правовой порядок привязан к частному, а не к общему. Демократическое общество, отдельные члены которого не опираются на общие правила, рано или поздно подвергается произволу, и осознание этого предвещает час великого разочарования.

Однако освобождение от обмана дает новый шанс — шанс пойти в другое место. Рождаются идеи, которые состоят из других элементов построения общества и призваны создать общество другого типа. Но будут

ли эти элементы устойчивыми, зависит, как мы уже видели, от их стабильности. Другими словами: Если их снова убрать, то в долгосрочной перспективе это приведет к тому же результату, что и раньше.

В данном контексте мы не хотим возвращаться слишком далеко в историческом плане, то есть только к социалистическому (интернационалистскому) движению 19 века, которое в 20 веке разделилось на два направления — революционный социализм и эволюционный социализм. Перед лицом серьезных социальных проблем в промышленно развитых странах 19 века поднялись умы, которые стремились к преобразованию политического общества. Это преобразование должно было устранить конфликт между работодателями и работниками. Приватизация средств производства рассматривалась как "грех" человечества. Поэтому социалистическое движение стремилось к "Великой перезагрузке" социологических условий, которые якобы преобладали до этого предполагаемого падения с небес.

Начиная с 1905 года, в России предпринимались попытки реализовать эту идею через революцию, но только в феврале 1917 года (по юлианскому календарю) революция смогла восторжествовать, в результате чего появился Советский Союз. Согласно социалистической теории, новый общественный строй должен возникнуть как синтез (по диалектическому) из конфликта интересов предпринимателей ("буржуазии") и рабочего класса ("пролетариата"), в котором средства производства являются собственностью социалистического общества.

Социалистическая социальная теория — это конструкция, основанная на предпосылке, что диалектическая трехступенчатость Гегеля (1770–1831) должна быть применена к социологии. Если обоснованность этой предпосылки падает, то рухнет интеллектуальная конструкция социалистической идеи.

Вместо ожидаемой социалистической мировой революции, которая приведет к гибели отдельных государств, как предполагает теория, произошло разделение мира на социалистическую и капиталистическую

сферы. Здесь тезис и антитезис не могли бы представить более четкий контраст. К концу 20-го века из этой оппозиции люди начали создавать другой синтез, на этот раз не с возвратом к фикции первобытного бесклассового общества, а — с социологической точки зрения — к феодализму раннего Средневековья, адаптированному к текущим и среднесрочным технологиям. Этот синтез пропагандируется экспертами и политическими программами как решение множества проблем. Однако реализация происходит пока не в форме революции, а небольшими шагами, эволюционно, в том числе и в пределах областей социалистического господства.

Закономерен вопрос: где в социальной теории заканчивается цепь диалектических трех шагов? Должны ли мы после каждого синтеза удивляться, что он не превращается из антитезиса в тезис? Более того, мы можем спросить: каким путем социология попадает в эту теоретическую цепь диалектики? Ответ проще, чем можно предположить: по пути индуктивного мышления, которое может проникнуть в любую область, просто потому, что этот вид мышления показал свою человеческую предрасположенность. Это врожденное. Поэтому основа индивидуальной психологии Альфреда Адлера (1870-1937), вероятно, является наиболее обоснованной и эмпирически осязаемой.

Индуктивное мышление отодвигает или отрицает существование концепции закона, закрепленной в природе. В своей радикальной форме он не наделяет человеческий разум способностью открывать право, которое можно взять у природы. Логично, что от индуктивного мышления нельзя ожидать дедуктивного продолжения или исследования. Это заложено в самой природе вещи.

Социализм никогда не мог проявить себя в "чистом" виде. Не может. Впечатляющим доказательством этого является "серый рынок" в бывшем Советском Союзе, к которому не только относились терпимо, но который был важен для поставок продовольствия. Ее продукция выращивалась на небольших участках земли, которые фермерам разрешалось обрабаты-

вать в частном порядке в дополнение к их обязательствам по кооперации.

По сути, это была уступка естественному праву, поскольку трудно отрицать, что каждый человек имеет разумное и фундаментальное право обрабатывать определенный участок пахотной земли с целью самообеспечения продовольствием. Но мы еще очень, очень далеки от этого. Отношение человека как части природы к самой природе вряд ли может быть поставлено под сомнение кем-либо, и поэтому запрет на культивирование этих отношений должен рассматриваться как чувствительный недостаток имманентной последовательности в природе, что, вероятно, также заставляет тех, кого это касается, ощущать это как несправедливое наказание, предположительно часто подавляемое поверхностными содержаниями в бессознательное, откуда оно может пробудить психологические расстройства.

Один только этот пример показывает, насколько мы близки к произволу. Правовому порядку не хватает стабильных, постоянных и, следовательно, надежных основ. Безопасность существует лишь постольку, поскольку она является безопасным путем к тирании, которая также может быть тиранией большинства. Если общество формирует себя как коллектив, то конкретное, на чем оно строится, нивелирует индивида. Оно лишено духовного измерения, как тело, которое, спроецированное на лист бумаги или экран, становится обманчивым двухмерным представлением того, чем является его оригинал. Создается плоский мир иллюзий, в котором ипостась, субстанция, сущность человека затушевывается, игнорируется, подавляется, устраняется.

Коллектив теперь — это тело, образованное поверхностями слившихся в него единиц. Это условие заменяет индивидуальную ответственность коллективной ответственностью, которая, однако, не может существовать, поскольку обуславливает коллективную вину, которая, в свою очередь, не оправдана и не существует. Это заблуждение, как и вся сущность. Реальность возникает только из истины, а она лежит вне человека. Он участвует в ней только через ее реализацию.

Поэтому: изменение произойдет только в том случае, если принципы будут исходить из существующего, неизменного общего свойства.

[\(Вернуться в предметную область\)](#)